

Е. Омельченко

Молодежь: Открытый вопрос

Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. – 184 с.

Часть третья

ОТ ПРОБЛЕМНОГО КОНСТРУКТА МОЛОДЕЖНОГО ВОПРОСА – К АНАЛИЗУ МОЛОДЕЖНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Почему молодежь и почему проблематизация

В предыдущих частях было показано, что на протяжении долгого времени социологи изучали молодежь в основном в контексте «социальной проблемы». Конструкты молодежи могли быть различны: от особого вида человеческой популяции - до нестабильных и подвижных постсубкультурных нео-племен. Западные ученые, начиная с конца 80-х годов, все чаще обращаются к пересмотру концепций молодежной девиантности. Некоторые отечественные исследователи, наоборот, начинают их использовать, к чему их подталкивает ситуация социальных трансформаций и сопутствующие ей новые формы исключения.

Молодежь любого общества связана с будущим. Другое дело, что потенциал этого будущего очень разнообразен, его нельзя свести только к инновационным, традиционным или девиантным тенденциям современных молодежных практик. *Молодежные проблемы* становятся открытыми и очевидными, когда те или другие группы ведут себя как «беспорядочные потребители», «нарушители спокойствия», «культурные мятежники» или как «молодые правонарушители». *Молодежная повседневность*, в которой выражаются или воспроизводятся доминирующие в обществе ценности, остается, как правило, «невидимой». Но молодежь не всегда бунтует, подрывает устои общества и родителей. Кроме новых общественных болезней молодежь может предвещать возврат к традиционной или поддержке существующей нормативности. «Обычная» молодежь, полностью интегрированная в настоящее, - так называемый молодежный мейнстрим - всегда составляла большинство своего поколения. Однако внимание исследователей было обращено к тем группами, которые выпадали из общей «нормативности», а именно к субкультурной молодежи - эпатажной, яркой, экстремистско-настроенной; и к маргинальной - депривированной, неблагополучной - молодежи из «групп риска». В первом случае изучались экзотические субкультуры, неформальные молодежные движения, во втором – делинквентная, криминально-ориентированная, безработная, бедная, бездомная молодежь. Особый интерес социологов вызывали те, кто попал в наркотическую или алкогольную зависимость, входил в молодежные группировки, занимался проституцией, также рассматривались вопросы ранней беременности, ранних браков и т.д. Оба исследовательских потока редко пересекались; проблематизация первого типа активностей проходила в русле культурной, второго - структурной парадигм. В опоре на эти «девиантные» парадигмы развивались идеи, связанные с переходом во взрослость и сложностями социализации. Но интеграция в общество, формирование личностной, культурной и социальной идентичности происходит не только в рамках групповой активности¹. Для всех молодых людей самым важным остается повседневная

¹ Один из последних проектов, реализуемый НИЦ «Регион» совместно с Центром Русских и Восточно-Европейских исследований (CREES), посвящен включению различных наркотических практик в повседневный молодежный контекст. Хотя исследование не закончено, но уже на данном этапе ясно, что употребление наркотиков не является доминирующей практикой и мало участвует в формировании идентичности (за исключением крайних случаев зависимости). Определяющим моментом в отношении к наркотикам служит жизненно-стилевая стратегия индивида и группы, с которой он себя идентифицирует. Если бы исследование фокусировалось только на отношении к наркотикам, оценке видов, частоты и распространенности их употребления, мы вряд ли смогли бы что-то понять о самой молодежи и факторах,

рутина семейного, учебного, рабочего или другого жизненного графика. Проблематизация, пусть и неявно, но *содействует фрагментации молодежной субъективности* и препятствует пониманию целостной природы молодости.

Вряд ли кто станет спорить с тем, что некоторые молодые действительно отличаются от *некоторых* взрослых. Но этого явно недостаточно для объяснения мягких и жестких вариантов проблематизации молодежи. Критическая оценка истории молодежного вопроса не означает игнорирование молодежных проблем как таковых. Вовсе нет. По моему мнению, нужно отличать молодежь как проблему от проблем самой молодежи. Последовательный анализ истории молодежного вопроса в отечественной и западной традициях может привести к выводу, что полного отхода от принципа проблематизации молодежи не произойдет никогда. Наверное, это действительно так, если иметь в виду разные интерпретации понятия «проблема». Проблема как научный интерес, как абстрактное выделение основного противоречия изучаемого предмета и как цель его познания бесспорно важна. Без аналитической работы по ее формулировке и интерпретации используемых в ней понятий не обходится ни одно социологическое исследование. Если не точно определить проблему и не нацелить на ее решение исследовательский инструментарий, можно потерять общее направление и последовательность всех этапов работы. Иначе говоря, проблема - это стержень, вокруг которого вращается весь исследовательский процесс.

Однако проблемой внутри господствующих конструктов молодежного вопроса становится не абстрактное противоречие, а *сама молодежь*. Именно она проблематизируется, она вызывает паники, рассматривается в качестве ключевого фактора риска в современном обществе, становится причиной многих социальных болезней современности. Ее обвиняют в том, что она употребляет наркотики, сексуально распущена, агрессивна, неуправляема и т.п. Я не спорю, каждому из этих утверждений найдутся иллюстрации как в виде процентной представленности внутри выборочных совокупностей, так и в виде нарративных примеров. Но эти примеры или доказательства ничего не скажут о молодежи в целом. Например, сегодня часто используется понятие «молодежный экстремизм» - конечно, эти формы протестных движений существуют в молодежной среде. Но ведь они существуют и во взрослой среде. Почему не используются понятия «взрослый», «мужской/женский», «пенсионерский» экстремизм в качестве отдельной проблемы? Может быть правильной ставить вопрос о росте экстремистских, ксенофобных, националистических настроений среди населения, часть которого - это юноши и девушки со своими жизненными историями и интерпретациями их смысла. Подобное исследование будет результативным, если внимание в нем будет уделяться *не только* активности этих молодежных групп. Необходимо учитывать весь сложный комплекс взаимоотношений такой молодежи со средой, с компаниями (не только теми, которые экстремистско-ориентированы), со взрослыми и т.д.

Что подталкивает ученых, политиков, социальных работников, пусть в разных терминах и с разной степенью обобщений, возвращаться к проблематизации молодежи?

Молодежный вопрос и власть взрослых

Первый и, на мой взгляд, очевидный ответ связан со стремлением взрослых *сохранить и удержать власть*. Это может быть объяснено желанием минимизировать риски, контролировать свою жизнь в настоящем, прогнозировать ее развитие в будущем. Уверенность взрослых в своем «естественном» праве на власть, несмотря на

определяющих выбор или отказ от наркотических проб. (Проект «Бытовое, но не «нормальное». Употребление наркотиков и молодежные культурные практики в современной России» (грант ESRC). Он осуществлялся творческим коллективом НИЦ «Регион» в 2001-2004 годах в малых и средних городах трех регионов России: Республики Коми, Самарской области, Краснодарском крае. Руководители - Х. Пилкингтон, CREES, Бирмингемский университет, и Е. Омельченко, НИЦ «Регион», УлГУ.)

реконфигурации и трансгрессии патриархального порядка к концу XX века, не исчезает. Патриархат, как Закон Отца, имеет не только гендерное прочтение (отец как *мужчина*), но и поколенчески-возрастное (мужчина как *отец*). Ссылаясь на глубинную связь между мужским (взрослым) доминированием и женским (молодым) подчинением, сторонники феминистской теории утверждали, что гендерные и поколенческие (возрастные) порядки в обществе тесно взаимосвязаны, их комбинации приводят к сложным формам субординации, лишь часть из которых выражается открыто². «Естественные» формы сексизма, дополненные юсизмом, отражаются в дискриминации не только женщин (девочек), но и мужчин (мальчиков). Но то, что авторитет реального «отца» (взрослого) все чаще заменяется (или смещается) авторитетами компании, звезд кино или музыки, символических или виртуальных «гуру», мало что меняет в характере позиционирования поколений: старший имеет право на власть, а младший должен ему подчиняться. Так, в молодежных компаниях, особенно тех, которые строятся на принципах поддержания патриархального порядка (например, в дворовых компаниях или подростковых группировках), старшим может считаться тот, кто имеет больший стаж пребывания в группе.

Власть взрослого статуса в современном мире неустойчива, его позиция подвергается «нападениям» с разных сторон, что только усиливает ощущение тревоги и даже страха. Этот *страх* может проявляться как забота, стремление помочь, облегчить молодым преодоление барьеров нового времени и т.д. В ярких революционных конструктах (например, начала 20-х годов) этот страх принимал форму мобилизации и прямого вовлечения молодежи в реализуемый партией курс преобразования общества. В более поздних советских и постсоветских конструктах этот страх в определенной степени выдавал неуверенность взрослых в самих себе. Не только в академических текстах, но и в современных интерпретациях «здравого смысла» трудно обнаружить сколько-нибудь четкие критерии нормативности, по отношению к которым проблематизируется та или иная молодежная группа³. Когда речь идет о нравственности, морали, потреблении или особенностях отношения к трудовым ценностям, то определение «правильного» и «отклоняющегося» поведения превращается во властное высказывание, которое не нуждается ни в доказательствах, ни в объяснениях, а опирается исключительно на авторитет возраста, а значит, мудрости. Таким образом, наличие «других» - априорно проблемной молодежи - становится в большей степени подтверждением правильных и нормальных взрослых.

Другая причина проблематизации связана, по-моему, с потерей привычных (традиционных) социальных маркеров статуса и одновременным появлением новых измерений социального неравенства и исключения. Множащиеся формы неравенства усиливают понимание того, что социальную позицию индивида или группы невозможно определить только по одному, пусть и важному, основанию. Так, например, в гендерных исследованиях была подвергнута сомнению не только гендерная дихотомия, но и гомогенность каждого гендера в отдельности. Тот же процесс происходит и в ходе анализа различий, построенных по возрастному принципу. Никто не станет отрицать наличия психобиологических особенностей подросткового возраста, критику вызывает сведение в единое целое всей молодежи исключительно по этому основанию. Сказать, что есть мужчины и женщины, - это практически не сказать ничего, столь же абстрактным выглядит утверждение, что есть молодые и немолодые. А если, по аналогии с определением женщины как не-мужчины, за главный критерий, по которому молодых

² Основные идеи феминистской критики традиционных конструктов молодежного вопроса изложены во второй части.

³ Я не имею в виду однозначно ненормативные практики, определение которых дается в соответствии с законом, но, во-первых, действия, очевидно относящиеся к правонарушениям, характерны далеко не только для молодежи, а, во-вторых, их определения не всегда согласованы с разделяемой всеми нормативностью.

можно отличить от взрослых, принять недостаточно развитое в физическом плане тело (отсутствие вторичных половых признаков), то мы попадем в ловушку, в лучшем случае - биологических, в худшем - сексистских и юсистских интерпретаций. Множественность «молодежности» в современном мире связана не только с молодежью, но и с расширением реального и символического пространства *молодости*. Это пространство, как было показано, расширяется за счет увеличения сроков образования, переноса на будущее начала работы и самостоятельной жизни (например, ухода из родительской семьи), а также за счет более раннего включения в молодежные культуры (отсутствие работы не обязательно влечет за собой отсутствие собственного заработка или собственных денег) и более позднего выхода из них. Символическое пространство молодости может перекрывать собой и все пространство современности, если мы будем оценивать его с точки зрения потребительских практик, особенно, в сфере культурной поп-индустрии. Также размываются и границы гендера. Но, как это ни парадоксально, именно поэтому возрастает значимость базовых понятий: мужского и женского гендера, молодости и зрелости. Они становятся чуть ли не последними оплотами формирования непротиворечивой идентичности (Омельченко 2002а). Подвижная, изменяющаяся социальность может подталкивать индивида искать биологические основы нормативности. Молодежь, относящая себя к «продвинутой», подчас очень своеобразно использует различные культурные стратегии, сочетая высокую толерантность к новым формам гендерно-возрастного позиционирования с устойчивыми стереотипами «естественного, природой данного» порядка распределения власти. Нормальная молодежь, которую «продвинутые» иногда называют «гопниками», более категорична в отстаивании традиционной нормативности (Омельченко 2002в). Но настоящие тревоги и страхи испытывают не молодые юноши и девушки, а взрослые. Вероятно, так было всегда, и, может быть, только кажется, что современная жизнь усиливает эти ощущения, однако высокий уровень тревожности по отношению к молодому поколению, находящийся отражение в академических текстах, журналистских публикациях и в обыденной жизни, очевиден. И можно предположить, что проблематизация молодежи в какой-то степени помогает взрослым избавиться от собственных страхов.

Маргинализация исследований молодежи и парадоксы транзycji

Устойчивость дискурса проблематизации в определенном смысле связана с маргинальной позицией молодежных исследований внутри социологии, что является следствием того положения, которое занимает государственная молодежная политика.

Десятилетний опыт исследований НИЦ «Регион», обращенных к молодежной теме, позволил в полной мере ощутить не только сложности, связанные с легитимацией новых социологических подходов (в частности, применением преимущественно качественных методов сбора данных и презентации результатов с использованием высказываний самой молодежи), но и специфику отечественной социологии молодежи и позиции российских исследователей, занимающихся ей. Это находит выражение не только в том, что сама себе молодежная тема без акцентов на актуальной проблематике не является приоритетной в программах научных фондов, спонсирующих исследовательские проекты⁴. Еще это проявляется в отношении самой молодежи к предмету «Социология молодежи». Молодежная тематика вызывает у студентов и аспирантов неоднозначные реакции. Несмотря на большой интерес в целом к этому направлению, их внимание чаще всего обращено к так называемой «фактуре»: описаниям классических субкультур, анализу молодежных журналов, кино- и видеопроодукции, рекламе, то есть к репрезентациям молодежи. «Погружаться» в повседневную молодежную жизнь стремятся

⁴ Следует сказать, что исследовательская история нашего центра «Регион» является в этом смысле исключением. Именно благодаря поддержке и пониманию со стороны Фонда Форда, Фонда Дж. и К. МакАртуров, Московского независимого института социальной политики, РФФИ, РГНФ, ESRC коллектив имеет возможность продолжать свою деятельность.

немногие⁵, в какой-то мере это связано с тем, что они и так в нее погружены, поэтому им хочется открыть для себя что-то другое. В том, как сама молодежь относится к предмету «Социология молодежи», отражаются, на мой взгляд, особенности отечественного конструкта молодежного вопроса. Самое интересное и живое (с еще сохранившимся налетом, если не запрета, то тайны) - это субкультуры⁶, а все остальное «про молодежь» - это скучно, слишком абстрактно и к самой молодежи не имеет практически никакого отношения⁷. Рискну предположить, что проблематизация молодежи, характерная для ряда современных текстов по социологии молодежи, в том числе и учебников, поддерживает представления студентов о том, что ученые ничего про молодежь не понимают, что молодежью «занимаются», в основном, взрослые люди, так как выводы из этих текстов очень похожи на то, что они слышат каждый день от родителей⁸. Анализ научной литературы показал, что в ней очень мало места отводится описаниям молодежной повседневности. Исследователи интересуются, в первую очередь, теми феноменами, которые уже являются (или потенциально могут стать) проблемой, а также теми сторонами жизни, которые важны в контексте понимания молодежи как социально-экономического ресурса.

Следовательно, преобладание проблемного подхода ведет к *фрагментации исследований* и к *отчуждению молодежного интереса*, как от «молодежного вопроса», так и от «молодежи» в контексте официальных конструктов.

Темой маргинальной позиции молодежных исследований занимались многие западные ученые (Griffin 1993; Cohen Ph. 1997; Cohen Ph. & Ainley 2000; McRobbie 1996; Pilkington & Jonson 2003). В частности, Ф. Коен полагает, что маргинальная позиция молодежи в обществе, часто сконструированная исследователями, отражается на маргинальной позиции молодежных исследований и низком статусе молодежной политики (Cohen Ph. & Ainley 2000). Позицию молодежной политики в советском обществе вряд ли можно назвать маргинальной. Советская молодежь была непосредственно вовлечена в официальную политику (как по собственному желанию, так и принудительно),

⁵ Эти впечатления - результат наблюдений в процессе преподавательской деятельности и работе с аспирантами по авторскому курсу «Молодежные культуры и субкультуры», который читается мной в ИС РАН (Москва) и Центре социологии культуры (Казанский государственный университет) на протяжении 7 лет.

⁶ Ассоциации курса «Социология молодежи» с субкультурами, а последних - с девиантным поведением, описание субкультурных активностей как преимущественно мужских, понимание отечественных аутентичных культурных групп в качестве калек или стиливых заимствований с западных образцов возрождаются в текстах российских авторов. См., например, книгу С. Левиковой «Молодежная культура» (Левикова 2002). Вопросы о национальной аутентичности молодежных субкультур задаются одними из первых, как в студенческих аудиториях, так и в профессиональных сообществах. Иногда рассмотрение тех или иных субкультур напоминает пособие по теме «В мире причудливых животных, или как отличить «настоящего» *goma* от подделки».

⁷ Сошлюсь только на один пример. Во многих отечественных учебниках по социологии молодежи в разделе, посвященном гендеру и сексуальности (следует сказать, одной из любимых и действительно важных для молодежи тем), большая его часть посвящается в лучшем случае семье, браку и проблеме СПИДа, иногда в этот раздел включаются параграфы, касающиеся проституции и сексуальных отклонений (Лисовский 1996; Волков, Добреньков 2001; Левикова 2002).

⁸ Может быть поэтому часть респондентов, особенно в возрасте 14-15 лет, в ходе последнего проекта, на который я уже ссылалась («Бытовое, но не нормальное...»), не смогли отнести себя к молодежи. Во время проведения пилотажного опроса, некоторые из них прямо спрашивали: «А молодежь - это кто?» (опрос проводился сотрудниками НИЦ «Регион» в школьных классах и студенческих аудиториях в отсутствие учителей и преподавателей). Трудно сказать, какие ассоциации вызывало это слово у самих молодых людей. Очевидно, однако, что и в молодежной среде интерпретации своей «возрастной» идентичности не однородны. Можно предположить, что, отвечая на другие вопросы анкеты (в частности, «Что для молодежи твоего города является самыми важными проблемами?»), какая-то часть опрошенных говорила не о себе, а о ком-то другом.

молодежные политические организации (пионерия и комсомол) играли важную роль в формировании национальной истории, помогали совершать коренные сдвиги во власти, идеологии и экономике. Государство не просто обращало на молодежь пристальное внимание, но с помощью своих механизмов поддерживало, стимулировало и контролировало ее активность. В СССР, как и в других тоталитарных государствах, политические и экономические интервенции в молодежный вопрос опирались (опираются) на биополитический конструкт молодости⁹. Согласно ему, молодежь представляет собой потенциальную угрозу, поэтому нуждается в постоянном руководстве, что проявляется не только в контроле, но и последовательном формировании молодежной инфраструктуры и инвестициях в ее материальную базу. С одной стороны, советский конструкт молодежи как строителей коммунизма выглядел прямой противоположностью западному - молодежи как проблемы. Советская молодежь, в отличие от постсоветской, не вызывала у общественности моральных паник в их классическом варианте¹⁰. Однако постоянные поиски чуждого (инородного) начала, скрытого «внутреннего врага» в «молодых строителях коммунизма», свидетельствовали о том, что советский конструкт содержал в себе, пусть и в неявном виде, представление о молодежи как проблеме. Пока социализм строился в отдельно взятой стране, а затем - в отдельно взятом «социалистическом лагере», молодежь можно было территориально и культурно (а иногда и физически) изолировать от «другой» молодежи (западных сверстников и своих «внутренних врагов»), выхватить ее из общего возрастного потока¹¹. При этом ее мятежность, энергия и «разрушительная» сила направлялись в русло решения политических задач. Как только политический контроль был ослаблен, начали одна за другой появляться «обычные» молодежные проблемы: неформальная активность, неконтролируемый досуг, «падение» нравственного и духовного климата, «потребительство», злоупотребления наркотиками и алкоголем. Они создали все предпосылки для формирования нового, вернее, привычно-западного взгляда на молодежь сквозь призму конструкта девиантности. Сказалась и некоторая растерянность отечественных исследователей молодежи: принятые идеологические конструкты «больших теорий» подверглись критике, западные концепции не сразу стали доступными и с трудом поддавались адаптации к отечественным условиям - предметная сфера социологии молодежи была фрагментирована.

Западный академический опыт может помочь справиться с затруднениями теоретизирования молодежного вопроса в ситуации смены социально-экономических парадигм. Однако он не может быть полностью применен к анализу российской молодежи. Одна из основных причин этого связана с яркой спецификой западного культурного опыта, с характерными для него чертами устойчивого плюрализма и

⁹ Подробный анализ особенностей этого конструкта дается во второй части этой книги.

¹⁰ Моральные паники, хотя и близки «по духу» к реакциям общественности советского типа, например, в плане общего негодования и возмущения, но имеют ряд особенностей. Идеологическая борьба против первых стилиг или диссидентов, сопровождавшаяся массовой атакой СМИ, контролировалась и направлялась в нужное русло в соответствии с политическими решениями и при помощи мощного идеологического аппарата. Моральные паники провоцируются СМИ, хотя часто и при участии правительства или других государственных институтов, однако развиваются стихийно, плохо поддаются управлению, являются в большей степени иррациональными реакциями, лишенными конструктивности и не оставляющими пространства для позитивного взгляда на решение проблемы.

¹¹ Первым моим впечатлением от прямого знакомства с «западными» студентами было ощущение, что я, оказывается, «островитянка». По линии обмена к нам на философский факультет приехала в 1978 году группа студентов из Будапешта. Нас волновали одни и те же вопросы, между нами не было особых различий. Ощущение «жизни на острове» было результатом острого чувства несправедливости, того, что меня насильно изолировали от другого типа мышления, культуры, языка. Ощущение это никак не было похоже на преклонение перед другой, закрытой, жизнью, однако это была глубокая обида и пришедшее понимание того, что я несвободна.

эксцентричности, которые, по мнению ряда ученых, определялись особенностями культурно-территориальных и классовых условий¹².

Специфика позиционирования молодежного вопроса внутри британской и североамериканской традиций обусловлена той ролью, которую в этих странах играли как сами молодежные культуры, так и реакции общественности на них. По мнению Д. Хебдиджа, молодежные культуры значимо влияли на реконфигурацию элементов социального воображения, однако они не задевали реальных основ политической элиты (Hebdige, 1984). В силу этого моральные паники по поводу молодежи не всегда являлись индикатором истинного волнения, особое внимание в них уделялось нравственным и эстетическим моментам, а не политическим или экономическим проблемам. Они редко ассоциировались с серьезным отношением к тому, что молодежь может объединиться в некую революционную силу и бросить вызов государству. Даже моральные паники по поводу употребления наркотиков, делинквентности, сексуальной распушенности, уличного насилия, а также спор о несправии «безработной маскулинности» так называемого молодежного андеркласса были скорее темой для разговоров и публичных выступлений, но не политических решений (Cohen Ph. & Ainley 2000: 80). Одну из причин интеллектуальной маргинализации молодежных исследований на Западе Ф. Коен видит в том, что ученые начали использовать концепцию молодости как транзиции, на которой была построена большая часть официального дискурса. Реальная маргинализация молодежи усиливается здесь неясностью и условностью границ транзиции, в результате сама молодежь практически теряется. Транзиция в интерпретациях этих теорий похожа на поезд, а молодежь - на простых пассажиров: купили билеты, сели и поехали до остановки с названием «взрослая жизнь». Однако, непонятно, во-первых, где выходить? во-вторых, куда ехать? и, в-третьих, почему вообще следует покинуть поезд, если он продолжает идти и в него высаживаются все новые и новые пассажиры?¹³

Изменяются психологические, социальные, культурные границы молодежных культур, детства и молодости, это, в свою очередь, влияет на размывание границ взрослости и ее «образов»¹⁴. Взрослость, согласно концепции транзиции, можно структурно измерить. Среди поддающихся измерению показателей называются:

¹² Неудивительно, что большинство классических молодежных субкультур британского происхождения. Авторитет Великобритании (в первую очередь, Лондона) как «молодежной культурной Мекки» подтверждается высказываниями самих молодых россиян, в чем мы убедились в ходе реализации совместного проекта «Глядя на Запад: принятие и сопротивление образам Запада провинциальной российской молодежью». Исследование проводилось в 1997-2000 годах в Ульяновске, Самаре и Москве при поддержке фонда Leverhulme Trust (Великобритания). Руководители - Х. Пилкингтон и Е. Омельченко (См.: Pilkington, Omelchenko et al. 2000).

¹³ Для того, чтобы «выйти из поезда», то есть поменять привычный график жизни и преодолеть инерцию включенности и «встроенности» в общий процесс, требуется подчас личное мужество. С этой точки зрения интересна, на мой взгляд, метафора В. Пелевина о стоп-кране в его повести «Желтая стрела». Все пассажиры видели стоп-кран, а значит, в принципе, могли сойти с поезда, но почему-то не делали этого. Главным было - разобраться с собой и понять, не только можешь, но и хочешь ли ты это сделать (Пелевин 1998).

¹⁴ Студенты становятся старше, многие взрослые включаются в практики, которые раньше ассоциировались только с молодыми. Они дольше остаются одиночками (неженатыми), например, средний возраст первого брака в Великобритании вырос с 20 лет для женщин и 22 лет для мужчин в 1971 году до 26 и 27 лет, соответственно, в 1995 году (Irwin 1996). По данным статистики в России также отмечается тенденция повышения возраста регистрации браков, при этом интенсивность заключенных браков снижается. Ранние браки статистически незначимы: лишь 12 девушек и 14 юношей из 1000 человек в возрасте от 16 до 18 лет заключили брак в 2001 году. Если в 1989-1997 годах интенсивность заключения браков у девушек до 18 лет была выше, чем у женщин в возрасте 25-34 лет, то в 2001 году картина поменялась на противоположную: увеличивается брачность в возрасте 25 лет и старше. Средний возраст вступления в брак для мужчин в 2001 году составил 27,8 года, при этом возраст первого брака - 25,5 лет. Для женщин средний возраст невесты в 2001 году был 25,3 лет, первого брака - 22,8 года (Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад 2002: 28-29).

- формальный взрослый статус в соответствии с существующим законодательством, разрешающий обладать основными гражданскими правами данного общества (в разных странах возрастной ценз взрослости колеблется от 14 до 21 года);
- завершение профессионального образования;
- профессиональный труд (работа, занятость);
- собственная семья, дети;
- собственность (недвижимость);
- реальный статус, закрепленный социальной нормативностью данного общества.

В предыдущих частях уже обращалось внимание на существенные изменения, которые происходят и уже произошли с каждым из этих показателей. Эти изменения привели к рассогласованию возрастных стадий жизни и формальных статусов¹⁵. Наличие университетского образования вовсе не означает обязательность работы вообще и по полученной специальности, в частности, приобретение недвижимости не обязательно связано с браком, а брак не всегда ведет к рождению детей, и наоборот. Сошлюсь на высказывание молодой женщины, выпускницы одного из ульяновских вузов: «... я хочу замуж выйти лет в 30-35... не для себя,... а для родителей... и не в плане того, чтобы просто выйти замуж, а чтобы они успокоились, а чтобы были внуки им... Это единственная причина - чтобы были им внуки» (22 года, высшее экономического образования)¹⁶.

Государство активно участвует в конструировании формальных маркеров статуса. Это проявляется в приоритетах образовательной политики, программах поддержки развития индивидуального предпринимательства, введении новых толкований понятия «полной занятости», в которую может включаться не только реально работающая молодежь, но и те, кто проходит обучение или переобучение, что приводит к изменению законодательных рамок статуса «безработного».

Произошли заметные смещения понятий «женской» и «мужской» работы не только за счет выравнивания оплаты, но и в результате изменения гендерных режимов. Так называемая «феминизация мужского труда» означает, что все больше и больше мужчин начинают разделять условия неполного рабочего дня, временной работы, что обычно характеризовало «женский» тип занятости. Вместе с развалом тяжелой промышленности и развитием сферы обслуживания, разделение труда по полу уже не столь прямо определяется различиями самого рабочего процесса. Поэтому, мужские и женские молодежные позиции на рынке труда уже недостаточно анализировать исключительно в отношении друг к другу, доказывать, например, изменение женской позиции через ее сравнение с мужской. В современных условиях привычные контексты «женской» и «мужской» работы меняются. Разница между ними связана не столько с характеристикой работы и соответствующих (то есть традиционно приписываемых ей) функций, сколько с конструкциями гендера и гендерными порядками, присущими для тех или иных рабочих мест. Сошлюсь еще раз на упомянутое исследование. Хотя в интервью практически

¹⁵ Формальный порог взрослости может не только повышаться, но и снижаться, как, например, возраст легальных гомосексуальных отношений, право на покупку сигарет и алкогольных напитков, а также на приобретение недвижимости.

¹⁶ Исследование, на которое я ссылаюсь, проводилось в рамках проекта «Гендерные аспекты рынка труда в постсоветской России», осуществленного при поддержке INTAS (1999-2001 годы, руководитель - С. Ашвин). В ходе лонгитюдного исследования анализировались трудовые стратегии тех групп, которые были в наиболее уязвимых и маргинальных позициях на рынке труда в условиях капитализации постсоветской России. Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью в четырех регионах, где брались такие группы: «официальные» бедные (Сыктывкар), зарегистрированные безработные (Самара), работники депрессивных предприятий (Москва), выпускники высших и средних специальных учебных заведений (Ульяновск). В течение этого времени нашей группой было проведено четыре этапа интервьюирования, на каждом из которых были опрошено по 60 (к последнему этапу - 56) человек, бывших на момент начала исследования выпускниками вузов и ссузов Ульяновска (Гончарова 2003; Омельченко 2002б).

отсутствовали описания открытых дискриминационных практик по отношению к молодым специалистам, однако часто информанты ссылались на «естественные» практики использования руководством или сослуживцами их позиций «новичков», на некоторую «дедовщину» по отношению к ним. Основными барьерами для достижения «взрослого» позиционирования оставались отсутствие профессионального опыта, определенное бесправие, связанное со статусом «молодого специалиста», и гендерные порядки в коллективе. Позиция молодой женщины в мужском коллективе имела ряд особенностей. Так, по рассказу одной из участниц исследования, поступившей на работу в милицию, можно проследить путь ее адаптации к работе в мужском коллективе следственного отдела. Ее ситуация осложнялась необходимостью преодоления трех гендерных барьеров: «мужская» работа, мужской коллектив, начальник-мужчина. Обратимся непосредственно к интервью:

«... начинаются клеяния всякие, подьезды, наезды. Это кошмар. Первые месяцы я плакала. Целый обед вот сидела и плакала. Один говорит: «Будешь со мной встречаться, у тебя будет все классно». Вторым подходил - говорил тоже самое. И вот они все 126 человек... ну, не все, конечно, кто женатый, кто не женатый. А сейчас нормально, потому что повода я не даю, тем более, у начальника в кабинете. Все думают, что я с ним. Он у меня - крыша. Мне от этого только хорошо, пусть думают. Он - начальник, он - не мужчина (смеется). Но все думают, что он - мужчина» (девушка, 22 года, высшее юридическое образование).

Постепенно к ней начинают относиться как к секретарше при начальнике, и она сама воспринимает эту ситуацию как естественную и безопасную:

«Приятно, когда приходят, шоколадки уже не для того, чтобы чисто подьехать, а чтобы попросить, чтобы я что-то сделала. Теперь начальник он... как вот бывает понятие секретарей, которым надо шоколадку дать или что-то такое... и уже начали нормально, более-менее нормально воспринимать». Отмечу, что к моменту завершения проекта, эта девушка уволилась из следственного отдела по собственному желанию.

Анализ текстов интервью показал, что представления о «естественности» распределения мужских и женских профессий сохраняются, но они связаны не столько с графиком или удобством работы, сколько с гендерными стереотипами. Так, наши молодые специалисты на своем опыте убедились, что в их коллективах руководящие должности заняты мужчинами, а женщины выполняют рутинные операции: *«Ну, в основном у нас женский коллектив... а основные директора - все мужчины. А в цехах, непосредственно на работе - женщины»* (юноша, 18 лет, среднее техническое образование). Воспроизводится представление о том, что основное деление на «женскую» и «мужскую» работу проходит по линии: «трудная» (физическая) и «легкая» работа - водораздел между ними напрямую ассоциируется с выполнением «женских» и «мужских» функций в семье.

«... женщины, конечно, они и сваи заколачивают, но как-то все равно, я считаю, что физическая работа более подходит для мужчин. А там, где головой подумать, там более равное. А вот женская работа - детей рожать. Это уже без сомнений» (юноша, 21 год, высшее экономическое образование).

Конструирование понятий «легкой» и «тяжелой» работы зависело и от того, кто это о ней говорил - мужчина или женщина. Юноши к «легкой» работе могли отнести профессию бухгалтера (требует много «бумажной работы»), а к «трудной» - «интеллектуальную деятельность»:

«...на работу, где требуется какая-нибудь деятельность интеллектуальная, традиционно берут молодых мужчин, вот и уже впоследствии продвигают традиционно в первую очередь мужчин, вот, как правило, начальником отдела становится мужчина, а не женщина» (юноша, 22 года, высшее юридическое образование).

Схожим образом высказывались сами девушки, сомневаясь в своих возможностях овладеть «интеллектуальными» специальностями: *«Женщина не сможет в той же мере овладеть компьютером, как мужчина, то есть разбираться во всех тонкостях языков,*

всех тонкостях программирования... если женщины с мужским складом характера, она вполне может заниматься мужской профессией. Но опять-таки, это - не женщина (девушка, 21 год, высшее медицинское образование).

Сегодняшняя молодежь, как и взрослые, может находиться в постоянном движении от получения полного непрерывного образования к частичной занятости, совмещая ее с обучением и переподготовкой. Многие молодые люди переходят от одной схемы к другой, без прикрепления к какому-то одному месту полной и «застрахованной» занятости. С точки зрения экспериментирования с занятостью и образованием в «молодой» позиции могут находиться различные возрастные группы.

Рабочая занятость, особенно в форме «постоянного рабочего места на всю жизнь», становится редкостью и практически не соотносится с определением своей социальной идентичности. Сошлюсь еще раз на результаты проекта, посвященного положению молодых специалистов на региональном рынке труда. Для большинства информантов работа в тот момент жизни занимала одно из первых мест в ценностной иерархии. Однако работа как ценность имела ярко выраженный *индивидуалистический* характер. Она была для них значима не сама по себе, а как единственно возможный путь самореализации и продвижения в жизни, как трамплин к новым более амбициозным свершениям, поэтому интерпретации смысла работы участниками исследования значимо отличались от тех, которые, как они полагали, были характерны для их родителей. Понятно, что реальные стратегии родителей или других «взрослых» могли вовсе не быть такими, какими они представлялись их детям, но конструируемые молодежью сравнения демонстрируют важность такой ценности как *индивидуализм*, оказавшейся ключевой в разделении поколений. Эти нарративные различия были классифицированы следующим образом.

1. *Отношение к опыту*: важна не абстрактная трудовая репутация, «история рабочего места», честно и добросовестно заработанный стаж, а приобретение навыков коммуникации, усвоение «взрослых» ролей, включение в существующие взаимоотношения и иерархии;

2. *Отношение к коллективу*. Само понятие «коллектив» теряет в интерпретациях молодежи так называемый «советский» контекст. Коллектив не воспринимается как некий «общий разум и общая совесть», решение которого есть истина «в последней инстанции», он становится рациональным союзом разных людей, пространством профессиональной реализации. Молодые юноши и девушки демонстрировали открытость эмоциональным контактам - помощи, поддержке, советам. Однако их отношения с коллегами строились по индивидуальным стратегиям, где каждый оценивался не как член коллектива, а сам по себе.

3. *Отношение к социальным гарантиям*. У большинства молодых специалистов не было особых иллюзий по поводу возможности получения социальных гарантий от государства. По мнению части информантов, «трудовые страхи» родителей были обратной стороной «незыблемых трудовых ценностей» социализма, тогда как их собственные опасения, особенно у наиболее амбициозных из них, были связаны с «остановками» в профессиональном и личностном развитии. Ситуация неопределенности закрепляла их убеждение в том, что нет ничего стабильного, «раз и навсегда данного», нужно все время что-то менять, чтобы не оказаться аутсайдером. Достаточно часто, аргументируя собственные трудовые ценности, молодежь ссылаясь на родительский опыт. Так, доминирующей ценностью родителей, по их мнению, был *коллективизм*, а вместе с ним - коллективные показатели социалистического соревнования, взаимопомощь и взаимовыручка, базирующиеся на системе государственных гарантий (распределение жилья, одинаковая зарплата внутри разряда и др.). Для самих молодых людей такой ценностью является *индивидуализм*, выражающийся в надежде только на собственные силы и способности. Он, кроме того, проявляется в использовании новых трудовых тактик, в стремлении к дополнительным знаниям и образованию. Если для родителей, на взгляд информантов, важно было, как можно дольше работать на *одном месте*, то для них

- успеть испытать себя *на разных местах*. Если родители боялись потерять свою репутацию в глазах коллектива, то молодежь страшится отстать, остановится в профессиональном и культурном росте, почувствовать свой «потолок», потерять свободу передвижений, наконец, проработать всю жизнь на одном рабочем месте.

По-прежнему значимым пространством формирования идентичности современной молодежи остается потребление и досуговые практики, тогда как профессиональные ориентации могут и не играть ключевой роли. В то же время стилевые идентичности тяжело поддерживать без регулярного дохода, поэтому работу и досуг все труднее становится развести не только в графике жизни, но и в плане их участия в формировании общей жизненно-стилевой стратегии.

В концепциях транзисии неявно присутствует идея о существовании некоей «правильной» *тропы/дороги*, ведущей от детства к зрелости. В истории нашей страны подобной тропой, поддерживаемой не только идеологически, но и структурно, была модель «пожизненной партийности». Последовательное вступление в ряды октябрят-пионеров-комсомольцев-членов КПСС означало не только включение в контекст строительства коммунизма, но и было «страховкой» нормальной социализации. Это помогало молодежи учиться, работать, шаг за шагом занимая одобряемые статусные позиции в общественной структуре. Однако в современном обществе, пожалуй, ни одна из более или менее связанных друг с другом цепочек статусов не может служить социальной гарантией нормальной социализации. В частности, анализ трудовых стратегий молодежи на рынке труда показал, что разность стартовых позиций (социальное происхождение и положение родителей, уровень и качество полученного выпускниками образования, гендерные различия) в определенном смысле повлияла на выбор и реализацию стратегии на рынке труда. Среди перечисленных признаков главным дифференцирующим фактором оказалось наличие или отсутствие высшего образования. Однако с помощью только этих измерений трудно было понять, почему, например, выпускники одного и того же факультета, выходцы приблизительно из одного социального слоя, выбирают разные направления, используют отличающиеся стратегии, по-разному представляют себе трудовой и жизненный успех. И, наоборот, имеющие значимо отличающиеся стартовые капиталы, занимают на рынке труда схожие позиции. Это противоречие послужило толчком к разработке стилового подхода к анализу трудовых стратегий (Омельченко 2002б).

Для современной молодежи многие сферы жизни оказываются тесно связанными; если же концентрировать внимание исследования только на одной из них, то целостный характер позиционирования молодежи разрушается. Многомерность связей и взаимодействий жизненных циклов, статусов и стилей современной молодежи все чаще подталкивает ученых к поиску целостного подхода, преодолевающего ограничения как структурной, так и культурной перспектив.

<...>

Место масс-медиа в молодежной повседневности

Парадоксальность мира «постоянства неопределенности» заключается в том, что он предлагает очень большой выбор возможностей, однако многие молодые люди оказываются на самом краю этого разнообразия, без защиты и страховки. В этой ситуации самым главным их «преимуществом» становится свободный доступ к продуктам массовой потребительской культуры.

Репрезентация молодежи в СМИ отличается крайней противоречивостью. Молодежь появляется там как символ, как жертва общества и как угроза для него. Однако молодежь в масс-медиа - это совсем не обязательно именно молодежь. Молодежные стили все чаще становятся брэндами. При этом сама молодежь по-разному воспринимает медиа, в части своих пристрастий она может быть намного ближе к взрослым аудиториям или относиться

к адресованным ей медиа-предложениям избирательно¹⁷. Следовательно, в характеристике взаимоотношений молодежи и масс-медиа нужно отходить от представления об унифицированных аудиториях. Молодежь и дети активно интерпретируют значения, они преобразуют их и начинают использовать в зависимости от актуальности тех или иных потребностей (психологических, эстетических, культурных, сексуальных).

Особая роль во взаимоотношениях современной молодежи и масс-медиа принадлежит MTV. Этот теперь уже интернациональный телевизионный бренд превратился за последние 10 лет в идеального посредника, предлагающего не просто глобальные культурные продукты, но и позиционирующего их внутри сформированной атмосферы дружелюбия и хорошего настроения. Язык MTV характеризуется непостоянством и изменчивостью, что соответствует самоощущению молодежи с ее неопределенной социальной позицией. Исследователи современных молодежных аудиторий говорят о том, что благодаря особенностям языка и стилистики MTV многие другие медиа были «mtv-зированы». Интерактивность и свободный доступ для всех, специфика клиповой подачи материала, скорость и гибкость монтажа, превратила молодежную MTV-аудиорию в самых замысловатых потребителей. Способность к быстрому, обрывочному и сложному восприятию делает молодежь более чувствительной к такому типу информации, в целом характерному для современных коммуникаций. Особая роль в этих процессах принадлежит компьютерным технологиям и глобальной сети Интернет.

Электронные масс-медиа выглядят новыми колонизаторами молодежи, и дело не только в том, что современная молодежь в большей степени осведомлена, чем родители. Панику вызывает опасность развития «наркотической» зависимости от компьютерных игр, которые получают все большее и большее распространение. Компьютерные игры используются молодежью для освобождения от социального подавления. Победы в компьютерных играх содержат ловушки: достигнув одного уровня, игроки попадают в ловушку следующего. Б. Грин говорит о том, что появилось новое поколение Нинтендо (названное по аналогии с игровой приставкой) - поколение тех, кто влюблен в компьютер (Green et al. 1998). Молодежь Нинтендо, по мнению автора, полностью идентифицируются с компьютером, им представляется, что компьютеры - это они сами и есть, и что они с компьютером принадлежат одному поколению¹⁸. Компьютерные игры не только вызывают привыкание, они участвуют в формировании идентичностей, погруженных в воображаемый мир, пребывание в котором становится для человека все более и более значимым. Цифровые технологии, по мнению этого ученого, социализируют поколение в массовом масштабе. Подавляющее большинство геймеров - это подростки от 12 до 17 лет, их жизнь строится в полном соответствии со сценариями постмодернистских субъективностей. Компьютер вместе с другими масс-медиа становится ресурсом и фундаментом их повседневности.

Поколение Нинтендо представляет собой специфический сегмент рынка. Не все молодые конструируют свои жизни в пределах этого понятия, большая часть молодежи не имеет доступа к компьютеру или ее доступ ограничен контролем со стороны других, чаще всего старших братьев или родителей. Например, фокусом исследования С. МакНаме были гендерные отношения и видеоигры (McNamee 1998). Она пыталась понять, почему девочки исключены из анализа современной молодежной культуры и из дискуссии вокруг масс-медиа. Ее исследование показало, что девочки любят играть в игры не меньше, чем

¹⁷ В исследованиях НИЦ «Регион» затрагиваются вопросы, связанные с предпочтениями молодежных аудиторий. Согласно нашим данным, наиболее популярными в молодежной среде остаются «взрослые проекты», тогда как специальные молодежные программы, кроме MTV и знаменитых молодежных телесериалов (например, «Друзья»), интереса практически не вызывают.

¹⁸ Замечу, что Интернет и игровые сообщества включают в себя не только любителей игровых приставок. Среди них как отдельные стилевые группы выделяются еще геймеры, чатеры, кибер-спортсмены (констрайкеры, квакеры, крафтеры) и т.п.

мальчики, но их доступ к компьютеру и играм ограничен. Братья могут просто не пускать сестер к компьютерам. Поскольку молодежные культуры в целом переместились с улиц в дома, мальчики имеют больше возможностей для контроля над частным пространством дома, чем их сверстницы. Компьютеры и видеоигры оказываются тесно связанными как с распределением властных отношений внутри принятого в семье гендерного порядка, так и со стилями жизни молодежи.

Другое название поколению дает Д. Рашкофф (Rushkoff 1997), который описывает современных молодых как «screenagers», или дословно «экранейджеров». Молодежь родилась, по его мнению, в мире, опосредованном телевидением и компьютерами, поэтому она способна научить взрослых тому, как адаптироваться к постмодернистской реальности. Если взрослые боятся фрагментарности глобальной культуры, то молодые впитывают ее с раннего детства, а медиа-технологии помогают им развивать в себе эти качества. Поколение Нинтендо или экранейджеров может быть описано, с точки зрения Б. Грина и Д. Рашкофа, как гедонистическое, поскольку компьютерные игры используются для того, чтобы избежать скуки. Молодежь, таким образом, творит особую форму культуры, в которой она, как ей кажется, полностью контролирует свое время и где формой самоосвобождения становится интерактивность. Однако, контролируя свое время, молодежь вряд ли способна контролировать медиа, поэтому на самом деле рычаги управления находятся не в ее руках.

Западные ученые, говоря о мозаичности современной молодежной культуры, фрагментарности идентичности и исчезновении классических молодежных субкультур, для иллюстрации всех этих тезисов используют пример рейв-культуры. Эту культуру часто описывают в контексте гедонизма, сиюминутного удовольствия и растворения молодежи в доминирующей культуре мейнстрима. Культуру рейва, по сравнению с субкультурными объединениями молодежи 60-х годов, называют формой «коллективного исчезновения» и даже «смертью молодежной культуры» (Melucci 1993: 37). Однако скорее нужно говорить не о смерти молодежной культуры, а об исчезновении той культуры, которая описывалась с помощью традиционных подходов. Для социологов изучение рейв-культуры интересно еще и тем, что путь ее развития во многом помогает понять особенности приобщения молодежи к коммерческой поп-культуре. Именно анализ истории развития рейва дает возможность увидеть, как активная институционализация молодежного досуга влияет на перерождение молодежной культуры в ее коммерческую форму. Современная рейв-культура тесно связана с рынком, поскольку именно благодаря сформированному брэнду эта культура стала массовой и безопасной. Однако рейверы пошли дальше, преодолев субкультурность своего стиля и превратив его в культурную стратегию¹⁹. При этом интересно, что частью молодых людей эта субкультура (как, например, и рэп) использовалась в качестве стратегии социальной мобильности (Pilkington, Omelchenko et al. 2002).

¹⁹ *Рейверы* - молодежь, которая субкультурно оформилась вокруг рейв-музыки. Начало развития этой культуры было положено в Великобритании в конце 80-х годов, когда распространилась музыка «эйсид-хаус», «черный» радикальный вариант диско. Огромное влияние на развитие данного направления оказали также технические достижения, негритянские традиции рэпа и диск-жокейские практики брейка (ритмических сбоев). Со временем оно переросло в огромную и влиятельную техно-культуру или сцену с множеством подстилей. *Техно* - это культура перенаселенных мегаполисов. Культ анонимности, обезличивания доведен в ней до предела. Основная масса техно-групп принципиально неразличима. Появление в техническом музыкальном оборудовании сэмплера, с помощью которого практически любой мог делать свою музыку из обрывков чужой, открыл новую эпоху в развитии субкультур. Культура рейва – это всеобщие бдения, экстази, пацифизм и унисекс. С ней связывают новые измерения клубных сцен. Первые рейв-вечеринки проходили в заброшенных амбарах, полуразрушенных заводах, на открытых пляжах. Постепенно рейв коммерциализировался, поэтому многими альтернативными молодыми людьми стал расцениваться как разновидность «техно-попсы». В новых коммерческих рейв-проектах могут принимать участие до двадцати тысяч человек. Часть рейверов соединилась с «ню-эйдж», остальные превратились в «клубных рейверов». Они стали доминирующей культурой, составив «продвинутую» часть молодежного мейнстрима.

Стилевые стратегии молодежи: между рынком и свободой

Потребительский опыт молодежи характеризуется изменчивостью, они могут постоянно выбирать что-то новое в «стилевом супермаркете», опыт становится подобием экспериментальной лаборатории, молодые люди меняют культурные стратегии, поскольку не считают себя обязанными вечно принадлежать одной стилистике и ее идеологическим требованиям. Однако свобода современной молодежи остается псевдо-свободой. Именно на развитии сети этих «супермаркетов» делаются сегодня самые большие капиталы. Она поддерживается продвижением прямой и косвенной рекламы того, как молодые люди могут полностью удовлетворить свои амбиции за счет того, что они выбирают, покупают, и того, как «независимо» они конструируют свою «индивидуальную» идентичность и стиль. Походы по магазинам (шоппинг) становятся для части молодежи своеобразной культурной активностью, восполняющей недостаток коллективизма. Поэтому очень важно вслушиваться в сами молодежные интерпретации тех или иных практик, чтобы понять истинные мотивы потребления, которые на поверхности выглядят гедонизмом, а, по сути, являются чем-то совсем другим.

Современная молодежь - более сложный потребитель, чем старшее поколение. Шоппинг-культура становится своеобразным культурным посредником в псевдо-сообществах. Эти пространства осваиваются молодежью вне родительского контроля. Псевдо-потребление помогает молодым интерпретировать то, кем они являются; а доступ к потребительскому рынку связывает их с возможностью испытать новую свободу, независимость и сделать свой выбор. Однако эта свобода доступна не всем. Есть разница между теми, кто может потреблять, и теми, кто только мечтает о потреблении.

На разницу между потребительскими практиками молодежи большое влияние оказывают гендер, этничность, сексуальная ориентация, географическое расположение, социальный класс и, в не последнюю очередь, наличие физических ограничений. С учетом этих различий, молодежное потребление подчас может выглядеть вовсе не как сплошное удовольствие, а как источник болезней и психических расстройств. Для многих молодых потребительский гедонизм превращается в войну за то, чтобы, поддерживая определенный стиль, остаться в ряду сверстников и не стать аутсайдером. Особую важность эта потребительская «борьба» имеет для российской молодежи, растущей в своем большинстве в бедных, депривированных и просто не очень состоятельных семьях. Позиция этих юношей и девушек внутри групп, сконцентрированных на ценностях «дорогого» потребительского стиля, очень тяжелая и противоречивая²⁰. Однако даже когда молодые не могут приобрести то, что им хочется, недоступный, но желаемый потребительский уровень и соответствующий ему стиль жизни все равно играет важную роль в формировании их жизненных стилей.

Идеологические аспекты молодежного потребления проявляются в том, что молодые люди могут получить все желаемое ими. Однако именно дифференциация в потреблении помогает сохранять и воспроизводить существующее экономическое и культурное неравенство. Развитие рынка зависит от массового производства и массового потребления, но из-за того, что последнее принимает форму индивидуального, большинство молодежи остается под контролем. Конструирование их потребительской стилистики, так или иначе, происходит в рамках массового производства. Даже тогда, когда они «убегают» и начинают создавать что-то свое, их все равно, раньше или позже, настигает массовая молодежная индустрия. Так произошло со всеми субкультурными стилями, эпатажные находки которых были массово растиражированы

²⁰ Особенно заметны имущественные и стилиевые различия в столичных и элитных учебных заведениях.

индустрией молодежной моды²¹, так случается и с альтернативными молодежными проектами, например, в музыке, которые с течением времени становятся «попсой».

Предложенного в этой части работы анализа явно недостаточно для того, чтобы полностью представить все преимущества и ограничения стилевого подхода к жизненным стратегиям молодежи. Основное внимание в ней было уделено лишь самоочевидным, на мой взгляд, расхождениям между публичным проявлением молодежной проблемности и теми невидимыми смыслами, которыми наделяют свои «проблемные» практики сами молодые люди. Скажем, привычный объект взрослой паники - молодежное «потребительство» - при более близком его изучении, построенном на включенном наблюдении, оказывается невероятно разнообразным и разновекторным пространством реализации индивидуальных и групповых стилевых выборов. Недостаточно знать, например, насколько распространены среди тех или других молодежных групп компьютерные игры, сколько времени юноши и девушки тратят на них, важно разобраться, что именно происходит в процессе этих игр, что отвоевывают молодые люди и с кем (или с чем) они на самом деле сражаются. Анализ жизненно-стилевых стратегий молодежи позволяет, как было отмечено, увидеть, что за похожими (публичными) практиками могут скрываться различные смыслы, которые не просто являются разными индивидуальными историями, а в них отражается значимая для каждого индивида или группы стилевая стратегия. То, к чему стремятся молодые люди в потреблении, во взаимодействии с традиционными, электронными и цифровыми масс-медиа, очень близко к их жизненным целям и ожиданиям. В их досуговой активности проявляется то, как они понимают смысл жизни, как интерпретируют желаемый, подходящий и доступный успех, какие пути представляются приемлемыми для его достижения. В этом смысле компьютерная игра, просмотр телесериалов (как молодежных, так и взрослых), участие в интерактивных коммуникациях (телепроектах «фабрик звезд», Интернет- и sms-чатах) выглядят не столь кардинально отличающимися от их работы или учебы.

Может показаться, что я противоречу самой себе. С одной стороны, я говорю о том, что при определении фокуса рассмотрения молодежного вопроса и конструирования его ключевой проблемы необходимо учитывать особенности конкретной позиции индивида или группы, и при этом настаиваю на идее того, что реализуемая стилевая стратегия имеет целостностную природу, что в ее основе лежат некие «императивы бытия», которые проявляются сквозь различные сферы повседневности. Однако *интерпретация* молодежного вопроса в зависимости от места, времени, действия и структурно-культурной локации молодежной группы, определяемой в качестве объекта исследования, и *утверждение*, что в различных повседневных практиках молодые люди следуют выбираемой ими стилевой стратегии, не противоречат друг другу. Современные юноши и девушки не просто вписываются в тот или другой стиль жизни, они творчески используют его ресурсы для социального позиционирования и продвижения. Характер использования отличается гибкостью и мобильностью, но то, как это проявляется, во многом зависит от социокультурных измерений позиций индивида или группы. Субкультурные теоретики видели в эксцентричных видах молодежных активностей ритуальное сопротивление культурному доминированию буржуазных ценностей, полагая, что стилизация досуговой активности является лишь «магическим» решением проблем социального исключения и маргинализации. Современные молодые люди используют жизненно-стилевые стратегии для *реального* освобождения. Их интерпретации или переинтерпретации привычных смыслов не являются лишь идеальным действием, этими смыслами наполняется их

²¹ Вспоминается публикация в конце 90-х годов в одном из российских молодежных глянцевого журналов, посвященная «субкультурам». На его страницах в полный рост были сфотографированы «субкультурные» пары и даны сопроводительные подписи: «Коля и Маша – хиппи», - одежда такая-то, привычки такие-то, любимые книги, музыка, развлечения такие-то; «Витя и Надя – панки», - и так далее. Тогда это был своеобразный ликбез для начинающих: хочешь быть хиппи - вот тебе наглядное пособие по «правильному» стилю.

повседневность, благодаря им они не только символически, но и реально отвоевывают себе собственные пространства. Конечно, сами молодые люди не говорят о том, что они что-то переинтерпретируют или преобразуют. Однако они, что называется «явочным» порядком, реально воплощают в свою жизнь отвоеванные ими ценности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каким образом жизненно-стилевой подход к анализу молодежной повседневности может быть воплощен в исследовательские практики?

Современные конструкты молодежного вопроса содержат в себе разнообразные теоретические дискуссии вокруг изменений нарратива идентичностей и стилей саморепрезентаций в период поздней современности, но по-прежнему мало теоретических работ посвящается тому, как собственно исследовать эти различия. К примеру, с помощью каких исследовательских техник можно замерить изменения, происходящие в «языке» молодежных идентичностей под воздействием современных цифровых технологий? Для того, чтобы уловить происходящие изменения, нужно, на мой взгляд, использовать в исследовательском процессе практики, аналогичные интерактивному характеру формирования молодежных идентичностей, стремиться привлекать ко всем этапам исследования саму молодежь, заменяя тем самым объектно-субъектное, монологичное взаимодействие исследователя с исследуемыми - на диалог.

Ф. Коен, в частности, считает, что подрастающее поколение исследователей молодежи не будут учеными в традиционном смысле, они будут «оставаться» молодыми людьми, которые обучены новым интерактивным и диалогичным формам социальных исследований. Так, уже на этапе выбора темы исследования, можно привлекать самих молодых людей к обсуждению и выбору таких формулировок, которые близки их собственным проблемам. Конечно, подобный подход предполагает и определенное перестраивание процесса профессиональной подготовки социологов, важно, чтобы эти инновации поддерживались и стимулировались самими преподавателями социологии молодежи. Найденные в процессе диалоговых коммуникаций темы исследований могут стать предметом коллективных дискуссий, семинаров и профессиональных тренингов. Именно исследователи молодежи смогут стать первооткрывателями этого нового интерактивного направления исследований (Cohen Ph. & Ainley 2000). От себя могу добавить, что этот подход не только способствует большей привлекательности социологии молодежи для студентов, аспирантов и молодых ученых, поскольку наполняет привычные абстрактно-обобщенные понятия «живыми голосами» и яркими, нетривиальными интерпретациями, но и помогает преодолеть предубеждения «здорового смысла» и проблематизацию, характерные для традиционных конструктов молодежи.

Именно подобное понимание смысла и направления исследования современной молодежи характеризует подход, реализуемый творческим коллективом НИЦ «Регион». Мы на собственной практике убедились в том, что чем больше в ходе исследования удастся вовлечь в его процесс саму молодежь, помочь ей стать не объектом, а его полноправным субъектом, тем разнообразнее и интереснее информация, которую мы вместе получаем. Максимальное погружение в молодежную повседневность, интерактивность и креативность исследовательского процесса, участие молодежи (информантов) в обсуждении тем, гипотез и результатов может способствовать тому, что молодежный вопрос станет важным и потенциально продуктивным набором теоретических инноваций. В ходе проведения глубинных интервью, дискуссий, этнографических наблюдений мы стремимся максимально использовать все возможные формы взаимодействия с молодежью такие, как ведение аудио- и видеодневников, фото- и картографирование, автобиографические сочинения, рисунки, стараемся практически реализовать диалогический и интерактивный подход к исследованию «вместе с молодыми».

Конкретным особенностям этого процесса посвящена новая работа «Полевая кухня: заметки социолога-прикладника», подготовленная сотрудниками нашего центра. В ней будут представлены теоретические размышления и практические наблюдения социологов, оценивающих преимущества и ограничения используемых методов, а также конкретный материал, репрезентирующий характер и результаты взаимодействия исследователей и молодежи, принявшей участие в наших проектах.

Настоящая книга - это лишь начало систематизации обширного материала, который уже накоплен центром «Регион». Следующую работу я собираюсь посвятить более подробному описанию различных измерений современного молодежного пространства таким, как особенности позиционирования молодежных групп внутри государства и его структур, участие глобально-локальных культурных потоков в формировании молодежной идентичности и современных культурных молодежных сцен, гражданская активность молодежи и ее интерпретации, гендерные и сексуальные практики и т.д. Конечно, наивно было бы предположить, что удастся найти ответы на все поставленные вопросы. Но очень хочется верить, что сам молодежный вопрос останется открытым.